

Дни ожидания были отмечены постепенным исчезновением медицинской техники - по мере того, как изломанное тело восстанавливалось; безликая квадратная комната, которая когда-то была переполнена аппаратурой системы жизнеобеспечения, стала еще более тихой. На протяжении долгого времени звуковой фон палаты составляли сигналы различных приборов и равномерное глухое дыхание через аппарат искусственной вентиляции легких - и сейчас, когда медицинского вмешательства требовалось все меньше и меньше, они замолкли один за другим. В конце концов в палате остались лишь один монитор и нейросканер, который тихо двигался вверх-вниз, следя за основными функциями организма своего подопечного.

Который по-прежнему не просыпался.

Иногда он подолгу лежал с открытыми глазами, безучастно уставившись в потолок и крайне медленно моргая. Эта картина оказывала на Мару тягостное и тревожное впечатление; прежде ей никогда не приходилось наблюдать за людьми, лежащими в коме. Смотреть в равнодушную безжизненную пустоту глаз было ужасно.

Правый глаз Люка оставался заплывшим и воспаленным, так что даже глубокий шрам, идущий от брови, был плохо заметен из-за опухоли. Халлин часто находился в комнате, суется и разговаривая с ним, пока проверял капельницу или проводил бесконечные ежечасные тесты - объясняя свои действия и предупреждая, что где-то может быть больно, словно Люк был в сознании и понимал его.

Но это было не так.

Мара знала, что ей следовало бы стоять на страже возле палаты, но она не могла заставить себя оставить его в одиночестве - смотрящего в пустоту. Она не могла заставить себя думать о том, что он может остаться в таком состоянии и дальше... но проходили дни, а ничего не менялось.

В ее голове постоянно звучали обвинения Мастера. Что она подвела их. Она подвела и его, и Скайуокера. И впервые в жизни она начала задумываться о том, какое из обвинений тревожило ее больше.

Проходили дни. Пять, шесть, неделя... и Халлин начал тревожиться, что, возможно, он не такой уж и молодец.

Он вежливо постучал в дверь и заглянул внутрь, обращаясь к Маре.

- Как он?

- Ну, он несколько раз мигнул мне синим, - иронично ответила она, указывая на световой индикатор монитора. - Но я думаю, он просто рисовался.

- Это хорошо. Синий это хорошо, - чуть улыбнувшись, сказал Халлин перед тем, как вновь уйти.

Они пришли к негласному соглашению - он и Джейд - Нейтан делал вид, что ничего не понял о ней и Скайуокере, она делала вид, словно не поняла, что он понял... И это срабатывало, очень даже неплохо.

Халлин медленно шел по конференц-залу номер девять, где собралась очередная группа врачей, призванная Императором для решения проблемы. Новое пушечное мясо. Никто не мог отказаться прийти сюда, это был не тот случай. И Халлин был горд - действительно очень горд - тем, как аккуратно он сумел отклонить обвинения в свой адрес, перенаправив их на разного

рода специалистов, которых он в основном и приглашал, чтобы самому держаться подальше от Палпатина - до тех пор, пока Люк не откроет свои чертовы глаза.

Мара тихо сидела в комнате с датападом на коленях и, не зная, что еще говорить, читала вслух сегодняшние отчеты, выделяя то, что, по ее мнению, могло быть интересно Скайуокеру и при этом попутно вставляя свои комментарии.

- ...Конечно, им легко говорить, что изменение границ Внешнего Кольца прояснит... - она запнулась, услышав, как монитор издал новый тревожный звук, низкий и устойчивый; всю предыдущую неделю он сигнализировал коротко и отрывисто, не так.

- Черт! - Мара вскочила, протянулась к комлинку с кнопкой экстренного вызова и замерла, взглянув в открытые медленно мигающие глаза.

- Люк? - от изумления она выронила комлинк и тот громко ударился об пол - что фактически прошло мимо ее сознания. В этот раз что-то было по-другому, в этот раз в глазах было понимание.

- Эй, ну ты даешь, - мягко произнесла Мара, чувствуя, как колотится ее сердце. - Привет, добро пожаловать обратно, в мир живых.

Люк несколько раз моргнул, и Мара постаралась не замечать его правый глаз, в котором по-прежнему не было никакого просвета, даже зрачок был закрыт старой темно-бурой кровью; затем его рассредоточенный взгляд направился вверх, к потолку. И Мара не успела больше ничего сказать, потому что в дверь бегом ворвался Халлин; ему буквально пришлось тормозить пятками, чтобы остановиться. Наклонившись над кроватью, он начал что-то судорожно искать в своих многочисленных карманах, но в итоге сдался, так и не найдя этого.

- Командующий, вы меня слышите?

Люк не отреагировал, и Халлин повторил вопрос немного громче. Мара отступила, освобождая место, и доктор подошел ближе, чтобы щелкнуть пальцами прямо перед глазами Люка. К большой тревоге Мары, это не дало никакого эффекта.

- Командующий... Люк? Люк, мне нужно, чтобы ты взглянул на меня. Люк?

Халлин снова щелкнул пальцами, и Люк наконец чуть опустил глаза в их сторону; однако взгляд его блуждал, не в состоянии сосредоточиться.

- Люк, мне нужно, чтобы ты говорил со мной. Ты можешь назвать свое имя? - Когда не последовало никакой реакции, Халлин наклонился еще ближе. - Люк, ты слышишь меня? Мне нужно, чтобы ты сказал «да»... Это очень важно... Тебе нужно сказать «да».

Мара беспомощно смотрела, как ускользает затуманенное сознание Люка и как вновь начинают закрываться его глаза.

- Люк? - в конце концов позвала она сама, но он уже закрыл глаза. Сигнал на дисплее показывал замедление пульса. Мара глубоко и удрученно вздохнула.

- Что ж, весьма положительный фактор, - произнес доктор и Мара недоверчиво взглянула на него. Тот фактически сиял.

- С чего вы, черт возьми, так решили?

Он очнулся, - с уверенностью сказал Халлин, смотря на показатели монитора. - Все будет хорошо. С его мозговой активностью все в порядке, ни одно сканирование не показало повреждений. Нам было нужно, чтобы он лишь открыл свои проклятые глаза.

Мара обвинительно подняла бровь.

- Вы говорили, что некоторые пациенты никогда не прогрессируют дальше уровня простейших реакций.

- Да, и это правда. Но его неврологические повреждения минимальны, и он пришел в себя в пределах дозволенной нормы в тридцать пять дней... Все теперь будет хорошо, командер Джейд. Верьте мне.

Он практически дрожал от волнения и облегчения.

- Вы должны... продолжать. Ему, очевидно, это нравится. Что вы читали? - спросил Халлин не сводящую с него взгляд Мару, указывая на ее датапад.

Она искоса посмотрела вниз:

- Просто отчеты.

- Ну конечно же... - невозмутимо ответил Халлин, сохраняя серьезное лицо. - Ему всегда нравится быть в курсе событий.

Мара приподняла брови, не понимая, шутит этот странный худой доктор или нет.

День уступил ночи, но Халлин оставался в приподнятом настроении, датчики показывали устойчиво-повышенную мозговую активность Люка. Теперь его состояние находилось ближе к обычному сну. Несмотря на все прошлые заверения Халлина, даваемые им Маре, в глубине души он боялся перехода из коматозного состояния в постоянное вегетативное, последующего падения мозговой активности и в конце концов смерти мозга или просто смерти от осложнений. До сих пор он не понимал, насколько все-таки боялся потерять Люка...

Халлин направлялся на последний вечерний осмотр своего пациента, уверенный, что через день, максимум через два... Он замер, как только переступил порог. Склонившись над Скайоукером и положив руку на длинный шрам на его груди, стоял Император.

Доктору не сообщили о прибытии Императора, а перед дверями не было никакой дополнительной охраны, что могло бы приготовить его, поэтому он просто застыл, не зная, что делать.

Но в конце концов, опомнившись, Нейтан поклонился, однако Палпатин даже не взглянул в его сторону.

- Мой джедай просыпался сегодня, - уверенно произнес он. Халлин конечно же проинформировал офис Императора, как только Люк очнулся, но тем не менее что-то подсказывало ему, что Палпатин знал это и так. По спине прошла непонятная дрожь, какое-то отдаленное чувство тревоги.

Набравшись смелости, Халлин все же обрел голос:

- Да, Ваше Превосходительство. Всего на несколько секунд, но я уверен, что кризис позади, и

теперь он пойдет на поправку.

Доктор шагнул чуть вперед и, чувствуя себя неловко, остановился. Палпатин неподвижно, не снимая руки с груди Люка, продолжал рассматривать его лицо. Не выдержав долгого ожидания, Халлин нарушил ломкую, напряженную тишину:

- Мм... шрамы, мы лечим их инабертолом и бактой. Они уменьшатся со врем...

- Не эти, - произнес Палпатин, проведя ногтем вдоль длинного уродливого шрама, от правой брови, через щеку и губы, протягиваясь к другому, такому же глубокому, на горле. - Эти он оставит. Как напоминание о предательстве. О пределах неуместного доверия.

Халлин нахмурился, но под давлением стальной воли Императора его голос фактически перешел в шепот.

- Вы хотите, чтобы я перестал их лечить?

Склонив голову набок и словно не слыша слов доктора, Император спокойно продолжил:

- На произведении искусства должна быть подпись. Иначе никто не будет уверен, что оно закончено. К тому же эти шрамы идут ему, его натуре. Он стал довольно... резким, вы не считаете? Харизматичным, очаровательным в своих противоречиях.

Халлин не знал, что сказать. Тело пробил озноб.

- Я не...

Палпатин повернулся к нему; желтые глаза, казалось, горели среди тусклого света.

- Вы так не считаете?

Халлин замолк, понятия не имея, как выйти из ситуации. Но Император лишь рассмеялся, она его забавляла.

- Не волнуйтесь, доктор. У него врожденный иммунитет, тот самый, что так долго хранит его.

Палпатин отвернулся и вновь коснулся мрачного шрама чуть выше губ Скайуокера. Длинные тонкие пальцы слегка дрожали и были настолько бледными, что напоминали кости скелета. Затем он развернулся и медленно прошел мимо Нейтана, стуча кривой тростью по абсолютно чистому полу. Остановившись у двери и не оглядываясь, он проговорил спокойным проницательным голосом, словно разделял с Халлином некое негласное единодушие:

- Можно ценить произведение искусства, даже не владея им, вы ведь понимаете это, доктор, не так ли?

Халлин по-прежнему стоял, не двигаясь и потупив глаза, пока Император не покинул комнату. Стук его трости еще долго разносился по медцентру, каждым ударом резко отдаваясь в позвоночнике Халлина.

- Он жив, - произнесла Лея, остановившись рядом с поедающим свой завтрак Ханом; это заставило его оторваться от странной серой массы и поднять озадаченный взгляд.

- Что?

- Он жив. Мы не достали его. Он на Корусканте.

Поняв, о чем она говорит, Хан просиял; глаза вспыхнули, а по лицу расплзлась широкая улыбка.

- Люк?

- Кто бы он ни был, - пожала плечами Лея и села рядом. Пытаясь спрятать лицо, она склонилась над своей тарелкой - ощущая, что по какой-то причине ее губ тоже коснулась призрачная улыбка, как бы она не старалась подавить ее. Просто она всегда чувствовала, что это было неправильно; не таким путем.

- Эй, так малыш то теперь еще и бомбонепробиваем, а? – радостно воскликнул Хан.

- Нет. Мы думаем, он серьезно ранен. У нас имеются лишь обрывки информации, но Тэж сумела соединить их, и они имеют смысл только в одном случае. Он жив, но серьезно ранен. Тэж думает, что его немедленно доставили на Корускант - «Экзекутор» был на его орбите несколько недель назад. Ботаны сообщили официальную версию Дворца: «В настоящее время Наследник недоступен, так как находится на задании Императора» - однако все его помощники и адъютанты по-прежнему во дворце, включая Джейд и Рииса, без которых он никогда нигде не появляется.

К тому же его нигде не видно, а возле его апартаментов всего два охранника, и как считает Масса, это указывает на то, что он слишком болен, чтобы вернуться к себе, - Лея пожала плечами. - Это, конечно, все догадки, но, учитывая, что о его смерти до сих пор не объявлено, мы можем предполагать, что он жив. К тому же, у нас есть факт, что его личный врач не покидал медицинский центр уже несколько недель, а он, как правило, всегда находится рядом с Наследником, плюс во дворец ежедневно вызываются разного вида специалисты, хотя там, кажется, никто не болен... Так что логичный вывод из всего этого, что он жив, но очень серьезно ранен и находится в медцентре дворца. Тэж делает все возможное, чтобы вытянуть информацию оттуда и получить что-то более конкретное.

Хан кивнул в ответ - зная, что глава Разведки находилась фактически в ярости, неистовствуя с тех пор, как было объявлено о покушении на Люка. Во-первых, потому что Служба Разведки оказалась непосвященной в операцию, а во-вторых, потому что им теперь в любом случае нужно было найти веские доказательства достигнутого результата - но так как они изначально в этом не участвовали, на местах не было никого, способного снабдить их необходимой информацией. В течение нескольких часов после покушения фактически все ресурсы Разведки были брошены на достижение одной этой цели.

Начальные результаты выглядели довольно обнадеживающими для Альянса: «Несравненный» вернулся на верфи Куата, и при высадке с него Наследник замечен не был. Официальная версия твердила, что корабль вернулся из-за ошибки при последней модернизации, но люди Мадина, которые устанавливали бомбы, подтвердили характерное взрыву повреждение флагмана, хорошо видимое, когда тот входил в док. А затем связь с ними внезапно прервалась, они попросту исчезли. И снова, обычно спокойная и невозмутимая Масса, объясняла в горячих недвусмысленных выражениях, что если бы ее ввели в курс дела с начала, этого не произошло бы.

Лея взяла в руку холодный блинчик... было уже почти время ленча, а она до сих пор не завтракала. И, несмотря на то, что все давно остыло, она все же начала есть, кусочек за кусочком, глубоко задумавшись о происходящем. В голове проносились слова Хана и Тэж

Массы, и она пыталась понять, была она расстроена или, наоборот, обрадована новостями. Хан верил в благородство Люка, потому что у них была своя история, но Тэж... Вопреки ее официальной линии у Леи было чувство, что на самом деле Тэж думала так же - а у нее не было никаких отношений с Люком, никаких воспоминаний, никакой истории.

- Я могу сказать тебе наверняка одно, без всякой разведки, - проговорила наконец Лея, - если у нас и был какой-то шанс на переговоры с ним, когда он только пришел к власти, то теперь мы с большой помпой его уничтожили. Кем бы он ни был, мы сделали его врагом.

Хан посмотрел в сторону, не желая сейчас думать об этом. Он все еще пребывал в эйфории от такого неожиданного поворота. Странно, только он начал отпускать малыша, как тот вновь появился на сцене. Но улыбка все же медленно сменилась хмурым взглядом, - когда Хан подумал о том, сколько времени уже прошло: малыш слишком долго находился в медцентре.

- Есть идеи, какого рода ранение он получил?

- Ничего определенного. Но тяжелое, судя по всему.

- Но излечимое?

- Посмотри на это с другой стороны,- Лея сказала это в утешение, но все же не смогла удержаться от враждебно-ироничных ноток в голосе: - Он наследник Палпатина и он находится во дворце на Корусканте. Я уверяю тебя, он получит лучшее лечение, которое только может предложить галактика.

- Когда он снова очнется? - потребовал ответа Палпатин, пронзительно сверля взглядом Халлина.

Нейтан нервно сглотнул.

- Я не могу сказать точно, Ваше Превосходительство. Побочный эффект болеутоляющих, которые ему необходимы, вызывают сонливость. Я уверен, что...

- Прекратите давать их, - приказал Император.

Халлин запнулся, растерявшись и не зная, что ответить - но понимая, что должен, проговорил:

- Мм... болеутоляющие жизненно важны для...

Палпатин лишь слегка повернул к нему голову, и этого было достаточно, чтобы заставить доктора замолчать; вся его решимость исчезла под желтым адовым взглядом. Однако ситх уточнил свою волю, вернув взгляд к мальчишке:

- С этого дня он больше не должен получать их.

- Это замедлит восстановление. - Последняя и бесполезная попытка доктора. Палпатин принял это решение еще несколько дней назад.

- Значит, у него будет достаточно времени, чтобы обдумать, как его предали. Он не должен ни забывать об этом, ни игнорировать. Он должен наконец получить заключительный урок, который слишком долго не давался ему - а любое знание имеет цену. Я не слеп, доктор, и знаю, что он делал. Он ступал по очень тонкой грани. Но теперь он больше не может сохранять нейтралитет. Это невозможно в его положении. Не должно быть никакой середины и никаких

сомнений. Любой мятеж - преступление. Восстание - преступление. Предательство - преступление, не имеющее равных. Он должен научиться уничтожать врагов или они уничтожат его. Это тяжелый урок, но его необходимо изучить. Необходимо отказаться от прошлого, чтобы иметь будущее. - Палпатин взглянул на доктора. - Вы лечите пациента, я создаю ситха.

- Лекарства сохраняют его жизнь: подавляют инфекцию и сепсис, предотвращая биохимическую последовательность, ведущую к органной недостаточности. Они контролируют гиперметаболизм и аспирационную пневмонию. Мы только что начали разбираться с осложнениями от травматического повреждения мозга.

- Лекарства, необходимые для лечения опасных для жизни нарушений, оставьте. Все остальное, включая болеутоляющее в любой форме, должно быть исключено.

- То, что вы требуете, вызовет... значительное... страдание...

- В этом и смысл, - любезно пояснил Палпатин, отклоняя аргумент доктора и продолжая вглядываться в лицо мальчишки.

Конечно, это причинит ему боль - но не было лучшего учителя, чем она. Лучшего напоминания. И мальчишка был хорошо знаком с этим уроком.

Ему не нравилось думать так, не нравилось думать, что это влияло на его мысли и реакции, но оно влияло, независимо от желания. Так как находилось в самой природе человека. Один из самых основных импульсов в галактике, записанный в каждую клетку тела со времен зарождения жизни - самозащита. Самосохранение. И не имело значения, как часто мальчишка упирался и сопротивлялся этому, никакое вопиющее упрямство не могло отменить то, что было создано эволюцией.

Месяцы наказаний и воздействий на разум Скайуокера, со времени, когда он впервые был заперт в казематах дворца, заставили его повиноваться. Некоторое время. Почти полгода. Затем мальчишка, наконец, зашел слишком далеко - проверяя, как далеко он может зайти - и урок пришлось повторить. Его джедай вновь проснулся в той же камере под дворцом - в своей камере - в тюрьме, построенной специально для джедая.

И затем снова, через восемь месяцев, когда Скайуокер бросил излишне дерзкий вызов по незначительному вопросу. И снова через десять месяцев - когда он перешел границы терпения Палпатина.

Были и меньшие инциденты, конечно, но с ними можно было разбираться, решительно и жестко, без того, чтобы кидать его на недели в зверское заключение, держа в клетке и подчиняя заново дикий нрав. Необходимо быть безжалостным, сталкиваясь даже с маленькими спорами и инакомыслием - жестоким и неумолимым - независимо от того, кто спровоцировал ситуацию. Все это было не только уроками, но и примером для подражания. Если бы мальчишка последовал ему, сейчас он не был бы ранен.

Доказательство ценности этого метода было хорошо видно в действиях его джедая. Прошел уже почти год с тех пор, как он последний раз валялся на холодном кровавом полу своей тюрьмы - накаченный наркотиком, который подавлял и ограничивал его, но все же сохранял в сознании, чтобы понимать свою беспомощность, питая негодованием огонь, разжигаемый Палпатином.

Он наблюдал сейчас за мальчишкой и вспоминал... Вспоминал вспыхнувший внутри

Скайуокера ужас - ужас понимания, несмотря на туманящий сознание наркотик. Он был настолько слаб, настолько измучен и избит, что не мог ни двигаться, ни даже просто отвернуться от Палпатина, который, сидя рядом, мягко вытирал рукавом мантии кровь с его лица, после того как гвардейцы оставили камеру.

Палпатин помнил очень отчетливо, какой темной была кровь даже на фоне его бордовой одежды - истинно красного цвета расплавленного рубина - мантия казалась бледной в сравнении с ней. Он помнил, как был очарован глубиной этого цвета в течение долгих секунд, прежде чем оторвать взгляд, возвращая его к безупречно синим глазам мальчишки.

- Так не должно быть. Не должно быть между нами, - произнес он наконец, опечаленный и охваченный страстью одновременно.

Его джедай чуть повернул голову, тяжело открыв глаза - не смотря ни на что, он ощутил интенсивные эмоции Мастера...

- Ты - мой, джедай, - сказал Палпатин убежденно. - Ты всегда принадлежал мне, ты знаешь это. Зачем ты борешься с тем, что предопределено?

- Я... не...

- Ты - мой, - повторил Палпатин с абсолютной уверенностью, протягиваясь вновь к открытой ране над глазом Скайуокера и держа там рукав, пока кровь не расцвела на ткани. - Возможно, я должен рассказать тебе о прошлом...

- Я не... хочу... вашей лжи, - слабо прошептал мальчишка, однако Палпатин знал, что тот не подразумевал этого, не на самом деле.

- Мой Мастер был великим ситхом, - продолжил он, говоря доброжелательным отеческим голосом, словно рассказывал историю маленькому ребенку. - Могущественным Мастером. Он нашел меня, когда я был очень юным и показал мне преимущества Силы. Он сказал мне, что может обучить меня, если я пойду с ним. Если оставлю все - мою семью, мой мир... мою жизнь. И я пошел с ним без колебаний, потому что признал величие в нем... и потому что я слышал зов внутри.

Люк отвел взгляд, но Палпатин мягко взял его за подбородок и повернул лицо к себе, без всякой угрозы.

- Его звали Дарт Плэгиус, и он хорошо учил меня. Он научил меня всему, что я знал... но не всему, что знал он сам. Плэгиус был одержим своей смертностью и потратил годы, изучая доктрины ситхов и голокроны, чтобы обнаружить тайны возрождения и продления жизни. Но он полагал, что бессмертие может заключаться только в его собственной жизни. Он не понимал... что бессмертие может быть также в продолжении рода. - Палпатин снова вытер глубокую обильно кровоточащую рану над глазом Люка, оставляющую широкий вязкий след на его саднящей коже, пропитывающую кровью волосы и окрашивающую богатым ярким цветом белый пол под головой, мягко улыбнулся и продолжил: - Но что можно сделать против законов естественного отбора? Я думал... что мои надежды навсегда обмануты. Думал, что природа постановила, что я буду последним в своей линии... Нельзя клонировать форсыюзера без последствий, нельзя передать чувствительность к Силе научными методами - а я не хотел ничего меньшего.

Без Силы ребенок стал бы ничем. Но в своих поисках вечной жизни Дарт Плэгиус обнаружил древний текст... и с ним - способность создавать жизнь. Настоящую жизнь. Используя саму

Силу в ее создании. Мой Мастер изучил это темное искусство... и разрушил текст, зная, что через это знание он может управлять мной. - Палпатин откинулся назад, подняв глаза в исполненном гордостью воспоминании. - На пике нашей объединенной мощи мы сделали это - создали жизнь. Но мы не знали, что у нас получилось.

Я думал, мы потерпели неудачу - что мой Мастер ошибся... и поэтому он перестал представлять ценность для меня. - Палпатин сделал паузу, вспоминая... - А затем произошло кое-что удивительное. Непредвиденная встреча, момент фантастического открытия - ребенок, задуманный нами в момент совершения обряда, родился... на противоположном конце галактики, - он покачал головой, переживая и теряясь в далеких воспоминаниях. - Я преуспел - я просто не понимал этого... Но будучи рожденным самой Силой, невозможно остаться скрытым навсегда - не от своего создателя. Его мощь была просто огромной. Она сияла, как маяк и звучала через Тьму, как нота абсолютной чистоты, ударяя по мне в инстинктивном резонансе. Сила желала, чтобы мы нашли друг друга. И я нашел его, а он меня... связь была мгновенной, непреодолимой. Он был моим - созданным по моему повелению, чтобы выполнить мои стремления. Только моим.

Внимание мальчика начало расплываться, не в силах бороться со слабостью от наркотиков и ран, веки задрожали. Однако Палпатин продолжал говорить, убирая с раны спутанные кровью волосы; полный пустого и снисходительного сострадания жест.

- Я думал, что получил все, что хотел в этом ребенке - что все мои амбиции могут быть осуществлены. Он был стихийным существом, наполненным дикой необузданной мощью, превышающей мои самые смелые надежды. Все было возможно через него. Понимание, что он принадлежит мне, спровоцировало все мои далеко идущие планы, и какое-то время я был не останавливаем, я был неукротимым, неуязвимым. Но потом он был ранен, ужасно - и мощь, которую я вложил в его создание, была потеряна. Не вся, но достаточно. И, что еще более важно, у него не было никакого наследника - моя линия вновь была сломана.

Наконец голова мальчика опустилась набок. Он встрепенулся раз, распахнув на мгновение глаза, но вскоре снова начал забываться; монотонный голос Мастера действовал странно гипнотически, почти успокаивающе - и Палпатин задавался вопросом, имеют ли его слова еще хоть какой-нибудь смысл для него, изнуренного и нуждающегося в лечении.

- Как оказалось, мой Мастер, в своей заключительной мести, не сказал мне всего, что было необходимо для создания жизни. И таким образом все - все мои стремления и амбиции, моя династия - было безвозвратно потеряно. Мне осталась только власть... но одной власти недостаточно, каждый всегда хочет большего... и то, что я действительно хотел, было безнадежно отнято у меня. - Он благосклонно улыбнулся, скребя тыльной стороной ногтя около раны мальчика, прочерчивая линию в алой крови, по направлению к длинным, спутавшимся волосам и, словно расчесывая, провел по ним кривыми острыми пальцами; голос зазвучал довольно и спокойно, торжествующе: - И затем появился ты, и все - все - оказалось вновь в пределах моей досягаемости. Ты - мой. Тот же самый резонанс, звучащий с прежней чистотой. Я создал твоего отца, вызвал его жизнь. Следовательно, я создал тебя. Тебе было предрешиено попасть сюда - чтобы служить. Продолжать мою работу. Ты - мое бессмертие, дитя. Моя династия. Мое наследие. Ты - мой.